

Визави

— Самара, пять утра. После затаившегося банкета вы вышли на улицу прогуляться — в бабочке, с сигарой, чуть ли не в английском котелке. Навстречу — какой-то забулдыга, в такую рань ищущий, где бы опохмелиться. Увидел вас. Опешил. Вопль души провалился наружу: «Шпион!». Было дело?

— Было, было. Давно. С сигарой гулял, пихон такой. Я действительно очень много лет курю сигары. Какие? Да какие есть. Моя жена против, врачи говорят, не надо. Но Марк Твен, когда ему сказали, что нельзя курить сигары, изрек: «Если на том свете нельзя быть с сигарой, они меня не дождутся». Ну а потом, мне чрезвычайно много лет — в этом году 75 исполнится. Опять-таки Марк Твен, когда у него была большая юбилейная дата, где-то на бережку Миссисипи собрал друзей и первый его тост был таким (я не случайно цитирую — мне это очень подходит): «Мне всегда говорили — не злоупотребляйте спиртным, табаком, не очень увлекайтесь женщинами, больше двигайтесь, бывайте на воздухе и так далее, а я всю жизнь делал все наоборот, и вот мне 75». И я тоже. Плюс я очень много работаю.

— Список ваших обязанностей перечислению поддается?

— Кроме того, что я директор и художественный руководитель Театра эстрады, я еще действующий артист. И очень много разъезжаю, выступая. Только что вернулся из Азербайджана, где был в составе большой группы известных артистов на Днях России. Ведь мы, деятели культуры, не можем быть разобщены. А подобная акция последний раз проходила 25 лет назад (я тоже тогда принимал участие).

На Красной площади 9 мая я ставлю праздничную программу...

— И в Банкетном зале Кремлевского дворца вы будете вести концерт для участников парада, которых примет Ельцин?

— Нет, в это время я буду на Поклонной горе...

Знаете, я не могу не считать Ельцина тем политиком, который мне импонирует. Не потому, что я подделываюсь под власть. По другим причинам. Я как бы в этой команде, во время выборов был доверенным лицом у Ельцина. От меня ничего не зависело, но я ездил с концертами с группой артистов.

Еще я член комиссии по госпремиям, зампредела правления ЦДРИ, член правления Российского фонда мира, вице-президент Союза российских эстрадных деятелей... Ко всему прочему есть друзья, есть юбилеи и кончины друзей, все время я как заводной. И в данном случае от себя отгоняю все свои годы и пытаюсь быть всем полезным — не всем угождать, а именно всем полезным, потому что, когда я был молодым артистом, и мне помогали. Вот сейчас преподаю в театральном институте, я профессор кафедры эстрадного искусства, наверное, единственный пока профессор-конферансье. Теперь еще я автор проекта, который поддержал Юрий Лужков, — «Мы дети твои, Москва». В Театре эстрады мы проводим конкурс имени Леонида Утесова на лучшую песню о Москве. Видите, сколько у меня должно-стей. И везде, мало того, что надо успеть, нужно еще что-то сделать.

— Рассказывали, что вы ведете концерт на языке той страны, где выступаете. Такое количество забот развивает феноменальную память?

— Перед тем как поехать в какую-то страну, три-четыре месяца уходит на подготовку. А я был в сорока странах. И не

просто учил язык, не просто объявлял (почему меня всегда и посылал из страны в страну тогдашний госконцерт), а хоть про себя говорить и неудобно, имел успех, поскольку говорил на их тему. На всех языках, будь то английский, китайский. Но это стоило титанического труда. Помню, в Японии был случай. В самом престижном Токийском театре была премьера нашей большой эстрадной программы, а в зале сидели в основном интеллигенция и актерская публика. Я подготовил вступительный монолог минуты на четыре. А поскольку человек не знает языка, то стоит ему пропустить хоть запятую, и фраза вся рухнет. Когда прочитал монолог и публика смеялась, я зашел за кулисы, и у меня подкосились ноги — просто упал от перенапряжения.

А однажды к нам приехал знаменитый английский театр «Олдвик». У меня на слуху и на языке все было тогда про Лондон. Какую-то песенку я о Лондоне пел. А в зале присутствовал великий артист Борис Ливанов (он был председателем общества Англия — СССР) и Екатерина Фурцева. Для меня, как для ведущего, все это прошло чрезвычайно успешно. Потом, вижу, Борис Ливанов стоит с Фурцевой и меня подзывает пальчиком. Я подошел, надеюсь, что он меня как-нибудь похвалит. А он говорит: «Борис, я вчера так прекрасно сыграл Митю Карамасова».

— А про вас — ни слова?

— Не-а. Он про себя рассказал. Вообще он был замечательным артистом. Про него байка ходит. Подзывает он одного актера: слушай, все советское и старое российское искусство такого великого артиста, как ты, не знало. Ну ты обаятельный, фактурный, глубокий артист, играешь прекрасно и комедию, и трагедию, ну ты просто феноменальный. И через паузу: а теперь давай говори обо мне то же самое... Актеры, знаете, все немножко тщеславные.

— А сколько лет у вас связано с Театром эстрады?

— Уже 15 лет. Этот театр складывали известные артисты золотой поры эстрады — Смирнов-Сокольский, Гаркавин, Миронова, Менакер, Райкин, хоть он тогда жил в Ленинграде, но очень хлопотал, что-

бы был такой театр в Москве. Сначала театр был на площади Маяковского, а потом уже много лет на Берсеневской набережной. Вы можете представить, какая сила была у тех артистов, что они смогли у Советов министров отобрать их родной клуб. Я как художественный руководитель (не потому, что пожилый человек и против всего современного) пытаюсь сохранить Театр эстрады в тех традициях, которые были заложены старыми мастерами. А сейчас как происходит: цензуры нет, худсоветов нет, никому нельзя давать указания. И все-таки я в театре не пускаю никакую ни эротику, ни пошлость, и если у моего коллеги, молодого талантливого и популярного артиста, слышу неприличные интермедии или репризы, я могу по-товарищески отсоветовать. Люди умные прислушиваются. Ну в какой-то мере из-за моего возраста и авторитета. И поэтому у нас нет ничего такого вызывающего, шокирующего. На эпатаж Театр эстрады не рассчитан.

— Выход вашей первой программы «Жизнь как песня» приходится на 1977 год. Это был режиссерский дебют?

— Режиссурой я стал увлекаться гораздо раньше. Одну любопытную деталь вспомнил. Не называя фамилии. Что-то я ставил неофициально. Тогда ведь надо было иметь документ, что ты режис-

сер, и только по этому документу ты мог получить гонорар. Много лет тому назад в Киргизии проходила очередная декада дней России. Возглавлял весь фестиваль довольно знаменитый режиссер из Ленинграда. К финалу нужно было поставить заключительный концерт. Этого режиссера куда-то пригласили — в Париж или в Австралию. Он мне на бумажке набросал свои пожелания и уехал. А я практически весь концерт поставил сам. И получил от тамошнего правительства звание заслуженного артиста Киргизии.

— А до этого другие регалии у вас были?

— Да, звание заслуженного артиста Бурятии. От России — никаких. Но о курьезе. Я был

меня приласкала Рина Зеленая, помогала мне ставить номера. После демобилизации я был незаменимым, потому что единственным — ни лучше, ни хуже меня не было. Много и часто просматривался, исполняя уже известные монологи известных артистов. Отвечали мне примерно одно и то же: вы способный, одаренный, но нам не нужны, мы можем пригласить и самих артистов, которых вы «озвучиваете». Очень сложно было обрести свой репертуар. И как-то в коридоре Мосстрады меня подвели к человеку буквально в тюремной форме. Это был Матвей Грин. Первый монолог, который он написал для меня, — о Москве — пришел тогда как нельзя кстати, с ним меня стали везде пригла-

дение. Из-за этой медали отбоя от журналистов не было. (Я в войну служил в концертной бригаде, но когда узнали, что я хорошо стреляю, меня перевели на корабль.). А что касается Зыкиной, то она ходила просто в корейских национальных героях. Когда Ким Ир Сен был у Сталина, для него устраивали концерт и пела Зыкина. Ее на фестивале из-за этого чуть ли не на руках носили и на прием с Ким Ир Сенем приглашали. Потом она мне сказала: «Да, я пела тогда у Сталина, в хоре Пятницкого, мне даже солировать не давали». Но разочаровывать она никого тогда не стала.

— Скоро и у вас круглая дата будет отмечаться. Если считать с самого перво-

Рядом с креслом художественного руководителя Театра эстрады висит табличка: «Просьба место не занимать». В кабинете — множество забавных вещей, порядок которых, точнее, художественный беспорядок поддерживают два огромных Микки-Мауса, поглядывающих на всяк сюда входящего со шкафа. Гигантская пепельница в виде протянутой руки, море фотографий, развешенных так, что не видно, какого цвета стены... В такой обстановке задавать сразу серьезные вопросы совершенно не хотелось. И разговор с Борисом Бруновым начался с предания, переходящего от журналиста к журналисту и обрастающего все новыми и новыми подробностями.

Борис БРУНОВ:

Я ВЕЛ КОНЦЕРТЫ ДАЖЕ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

счастлив, что дебют прошел так хорошо. Но потом узнал, что гонорар, и довольно-таки большой, получил тот — отсутствующий. Я робко поинтересовался, что звание это, конечно, хорошо, я очень благодарен, ну а гонорар-то кому? Мне ответили, что режиссеру, ведь это его работа. — Тогда за что же вы мне дали заслуженного? — Ну мы думали, вы просто так, сорежиссер.

Когда так выяснилось, что нужно все-таки иметь диплом, я поступил в ГИТИС на высшие режиссерские курсы. С того времени я занимаюсь этим делом очень много лет.

— Вы не считали, сколько всего вами было поставлено?

— Десятки, десятки программ. Я и по сей день продолжаю ставить. Вот меня выдвинули на госпремию по двум номинациям: режиссер программ прошлых лет и артист. Но я не хочу, чтобы это называлось «прошлых лет», и комиссии, которая недавно была в театре, я показывал свою новую программу — «Город чудный, город древний».

— Когда-то вашим коронным номером были монологи Грина «Человек с чемоданчиком» о жизни эстрадного артиста со времен гражданской войны. Сейчас не возникает желания их продолжить?

— Грин уже ушел из жизни... Когда в 48-м я приехал в Моск-

вать. А когда в первый раз на афише Колонного зала появилась моя фамилия, то мы по очереди с Грином все бегали на нее посмотреть. Потом с ним мы долго работали. Действительно, самым нашим знаменитым номером был «Человек с чемоданчиком». Что лежало в чемоданчике у артиста послевоенных времен? Лакированные туфли, свернутые брюки и записная книжка. С этим набором он ездил и по стройкам, и на целину, и в Москву. И у меня был всегда такой чемоданчик, с которым я попал даже на Северный полюс. Если Папанин был на первой дрейфующей станции, то я — на четвертой, и там объявлял наших артистов, а до полюса мы через всю Арктику проехали. Что особенно приятно, на авансцену я выходил первым.

— На юбилее Людмилы Зыкиной вы тоже будете первым — ведущим вечера. Вы давно с ней знакомы?

— Будет отмечаться пятьдесят лет ее творческой деятельности, и пятьдесят лет мы с ней дружны. Как-то мы вместе оказались в Пхеньяне на фестивале музыкальной весны. Было приглашено около тысячи артистов, но мы с Зыкиной оказались в центре внимания. Можно я сначала про себя расскажу? Откуда-то журналисты узнали, что в годы войны я высаживался в корейском порту Сейсин и награжден корейской медалью за освобо-

го вашего выступления на арене цирка в пять лет, то это будет 70-летие творческой деятельности?

— Точнее — шестидесятипятилетие. Я родился в цирковой семье, и моя трудовая деятельность началась официально, с записью в трудовой книжке, в десять лет. Выступал тогда и как акробат-эксцентрик, и как сверхточный снайпер — шарик на голове мамы сбивал. И в цирке проработал до самой войны...

— Содержимое вашего чемоданчика с годами сильно менялось?

— Одно время я возил в нем несколько приемников. Очень увлекался техникой, отовсюду привозил, и когда их набралось слишком много, решил в другом городе подороже в комиссионный сдать. В Ташкенте два приемника сами включились, и я вынужден был круглые сутки слушать национальные песни. Долго довольно страдал, ходил и к директору, и к дежурным, думал, что соседки поют, пока не понял, что звуки идут из моей же сумки. Сейчас я по-прежнему много езжу. В наши дни артист эстрады, скорее, человек в автомобиле, чем человек с чемоданчиком. Но у меня своей машины нет и до сих пор я все тот же человек с чемоданчиком.

Беседовала
Ирина КОРНЕВА
Фото Александра КОЧЕТОВА
Концерн «ВМ»

